

Филологический релятивизм: суппозиции и полисемия, контекстуализм и актуальное значение слова

Philological relativism: suppositions and polysemy, contextualism and the actual meaning of the word

Лазарев А.

Историко-филологический фонд им. А.А. Хованского, Руководитель
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.

Historical and Philological Fund named after A.A. Khovansky, Director
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

Причины ошибок в рассуждениях, обусловленных многозначностью понятий, вызывали интерес мыслителей ещё на заре человеческой цивилизации и оставались предметом философских дискуссий в Средневековье, особенно в связи с зависимостью референтных значений от контекста, в рамках теории о свойствах терминов, или теории суппозиции. С развитием светских наук в XIX-XX вв., с появлением семантики, полисемия, обусловленная контекстом, не только лингвистическим, но и историческим и ситуативным, из предмета философских штудий перешла в область филологического знания. В этой статье осуществляется попытка представить «филологический релятивизм» как номинацию междисциплинарной области в многозначном, но схожем для таких «самодостаточных» дисциплин, как философия и филология, понятийном пространстве.

Ключевые слова: релятивизм, контекст, референции, суппозиции, историческая, лексическая и грамматическая полисемия, семантический сдвиг, история понятий, психолингвистическое значение слова, языковые регистры, метафизическая грамматика, временная парадигма, вечность, супранатурализм, сущность бытия, фило(лого)софский космос.

Abstract

The reasons behind errors in reasoning caused by the ambiguity of words aroused thinkers' interest at the very dawn of human civilization, and remained the subject of philosophical discussions in the Middle Ages. The question of the dependence of reference values on context is especially relevant in the framework of the theory of supposition. With the development of secular sciences in the 18-19th centuries and the advent of semantics, polysemy changed from a subject of philosophical studies into the field of philological knowledge, due to the linguistic, historical and situational context. This article attempts to present “philological relativism” as a nomination of an interdisciplinary philosophical and philological space in a multi-valued, but similar, conceptual framework.

Keywords: relativism, context, references, suppositions, historical, lexical and grammatical polysemy, semantic shift, history of concepts, psycholinguistic meaning of a word, language registers, metaphysical grammar, temporal paradigm, eternity, supernatural, essence of being, philo(logo)sophical cosmos.

Влияние контекста на актуальное значение слова является одним из важнейших факторов, определяющих качество рассуждения и коммуникации вообще. Это влияние можно рассматривать как проявление *общей теории относительности* в науке о слове и языке.

Так же как в физике, согласно *специальной теории относительности*, нужно рассматривать движение объектов относительно друг друга, так и в филологии для прояснения конкретного значения слова, необходимо принимать во внимание контекст, поскольку терминам присущ смысловой «дрейф» (не только самим по себе в историческом процессе, но и задействованным в речи).¹ При этом контекст не только собственно лингвистический, но и ситуативный, актуальный. Эта актуальность рождается в точке соединения слова с реальной действительностью в условиях конкретной речевой ситуации, известных адресантов и адресатов. Таким образом, контекст является важнейшим условием определения *актуального значения слова*.²

Теоретический релятивизм – это изобретение далеко не собственно физическое, как это может показаться обывателю в наши материалистические времена. На века раньше Эйнштейна о философском релятивизме рассуждали софисты, начиная с Протагора, объявившего человека «мерой всех вещей», независимым субъектом, выносящим суждения по обстоятельствам, в зависимости от которых понятия обретают разнообразные смыслы.³ Аристотель полагал, что исследовать многозначность (*πολυσημεία*) полезно для ясности, чтоб не дать ввести себя в заблуждение и спасти от заблуждения собеседника.⁴ Гениальность же великого физика, относительно заданного автором контекста, состоит в том, что он сумел применить в описании физических опытов концепты средневековых философов. Благодаря открытию относительности в физических явлениях, понятие *релятивизм* расширило полисемический ряд и значительно популяризовалось за счет представителей естественных наук. Сейчас в *Толковом словаре* русского языка Д.Н. Ушакова релятивизм определяется только философским и физическим контекстами.

В исторической ретроспективе обнаруживается, что понятие *контекст* касается различных сфер интеллектуальной деятельности – не только философии, но и языкознания, литературоведения и других научных дисциплин, появившихся в XIX–XX вв. Иначе говоря, релятивизм проявляется в разных контекстуальных сферах, с различной понятийной базой, как правило берущей свои начала в классическом наследии. Таким образом выбор термина *филологический релятивизм* (ФР) обусловлен межпредметным характером исследования.

Выражение *филологический релятивизм*, в контексте этой статьи, следует воспринимать как специализированное описание *учения об изменениях значения*, его логико-философский аспект, дающий инструмент для решения проблемы с *ошибками в рассуждениях* (ОР). Речь идет о широко распространенной в XII–XIII веках *теории свойств терминов*, или *учении о суппозициях*, согласно которому при относительно *постоянном смысловом значении* общего термина его *референциальное значение* может существенно изменяться: «[Например]: под термином *человек* может подразумеваться *Сократ, Платон* или *вот тот человек*; объединяет же всех этих людей под данным общим термином то, что любой из них определяется как *разумное смертное животное*, то есть обладает необходимым набором признаков и неотъемлемых качеств, позволяющих расценивать его как человека» [Лисанюк, 2000, 15].

Средневековая теория суппозиций заключалась в анализе референциального значения терминов на основе контекста высказывания и касалась особенности методики формализации естественного языка в средневековой логике, а также принципов связи семантики слов с контекстом. Главной целью и основной практической функцией этой теории стало выявление различного рода ОР [Лисанюк, 2009]. Наиболее ярким адептом этой теории можно назвать Уильяма Оккама, представителя оксфордской школы, отмечавшего, «что каждое слово имеет базисный смысл (или смыслы – если оно двусмысленно), по отношению к которому и производится поиск актуальных референтов, т.е. квалифицируется суппозиция» [Лисанюк, 2000: 23].

Однако это учение, представлявшее собой в XII–XIII веках часть элементарных логических знаний и входившее в программу начальных ступеней бакалавриата, в позднем средневековье пришло в изрядное забвение, поэтому философам и филологам новейшего времени пришлось вновь открывать давно известное как ранее неведанное.

В конце XIX века немецкий философ и математик Г. Фреге в статье «Смысл и значение» предложил различать предметное и контекстуальное содержания знака, выражаемое известным «треугольником Фреге», сформулировав принцип контекстуальности: «значение языкового выражения определяется контекстом предложения, частью которого оно является» [Черноскутов, 2006]. Таким образом некоторые общие с теорией о суппозициях положения были представлены в новой терминологии, повлиявшей на появление семантики, как самостоятельной филологической дисциплины, специализирующейся на изучении многозначности, или *полисемии*. По существу, семасиологи сформировали собственно филологическую понятийную базу для забытых логико-философских концептов [Журавлева, 2011].

Новейшие для того времени исследования в области общего языкознания добавили к логико-философским понятиям о *теории свойств терминов* собственно филологические. Референциальные значения слова, известные в терминологии схоластов как *суппозиции* и *референции* и т.п., получили в языкознании новые номинации: *лексемы*, *семы*, *семемы* и т.п.⁵

Так, благодаря номинальному основоположнику семантики Мишелю Бреалю, аристотелевская */πολυσημεία/* многозначность обрела статус филологического термина. В своих работах М. Бреаль рассматривал вопрос о влиянии контекста на разрешение полисемии. В книге «Опыт семантики, науки о значениях» он впервые предложил термин «семантика», имея в виду анализ исторических изменений значений слов. В начале XX века полисемия стала термином филологическим, но не отделилась от своих философских корней.⁶

В дальнейшем проблема зависимости значения слова от исторических контекстов получила развитие в различных направлениях западноевропейской научной мысли. Немецкий математик и философ Р. Козеллек полагал, что «значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего..., иметь многослойную темпоральную структуру и отсылать к современным реалиям либо в прошлое, либо в будущее» [Козеллек, 2010: 27].

Особенное развитие история понятий получила в кембриджской школе, среди ярких представителей которой можно выделить Джона Покока и Квентина Скиннера, хоть и расхопившихся в деталях⁷, но признающих детерминирующую роль методического изучения исторического контекста или контекстов при анализе текстов прошлого. Скиннер и в ещё большей степени Покок были склонны отрицать даже саму возможность построения «истории одного понятия» вне связи с конкретными случаями его использования несколькими авторами в разных контекстах [Атнашев, Велижев, 2015].

Еще один представитель кембриджской школы Марк Бивир предлагает различать *лингвистический контекст*, не зависящий от обстоятельств конкретного высказывания, и *ситуативный контекст* самого высказывания, который, например, может быть ироничным⁸ и выходить за рамки собственно философские или лингвистические. По мнению Бивира, обращение к лингвистическому контексту имеет эвристическое значение – как *способ* познания, но не как *логика* научного открытия: «Контекстуализм [...] должен быть переработан в учение о формах объяснения, а не о предпосылках понимания» [Бивир, 2019: 127].

При некоторых расхождениях во взглядах на концептуализм, отличительной чертой кембриджской школы следует признать настаивание на необходимости изучения лингвистических контекстов для понимания истории идей.⁹

Терминология Кембриджской школы живо напоминает лингвистическую, однако при более детальном рассмотрении выясняется, что это сопоставление, скорее, обманчиво – в том смысле, что значения терминов, вводимых Скиннером и Пококом, не всегда находят четкое соответствие с тем, как их принято использовать в современной лингвистике. Вероятно, таким образом проявляется историко-философский и политологический контексты их исследований, в которых *четкость соответствия* как раз и определяет контекст.

Российская гуманитарная наука имеет свою сильную «контекстуальную» традицию, прежде всего в филологии, – Тартуско-московскую семиотическую школу. Семиотическая теория культуры Ю.М. Лотмана в ряде своих постулатов генетически связана с лингвистическим

понятийным аппаратом (например, в идее о постоянной перекодировке сообщений в процессе социокультурной коммуникации)[Атнашев, Велижев, 2015].

Собственно лингвистические представления о связи *знака, предмета и смысла* представлены треугольником Огдена-Ричардса, изобразивших в своей модели понимание знака как единства содержания и материальной формы [Рыскельдиева, 2018], введенное основателем семиотики Ф. де Соссюром и рассматривающее отношения между *означающим* и *означаемым* в знаковых системах, где контекст также играет решающую роль [Соссюр, 1998]. В семиотике принято выделять тройственную структуру знака. С одной стороны *означающее* (имя), а с другой стороны *означаемое* (референт), которое, в свою очередь, распадается на *смысл* (интенционал, десигнат, сигнификат, коннотация) и *значение* (экстенционал, денотат).¹⁰

С появлением семантики свойство знака иметь несколько планов содержания становится центральной проблемой в лингвистике: «Полисемия принадлежит к разряду вечных тем, также неисчерпаемых, как тема любви в литературе» [Лещёва, 2014: 14].

Проблемам диахронической (исторической) семантики – развитию значений, причинам и типам семантических изменений, включающих в себя метафорический перенос, расширение и сужение значения, а также процессам, связанным с табу и эвфемизмами, – посвящено изрядное количество трудов, но всё-таки большинство исследований лежит в русле синхронической семантики [Скребцова, 2018]. Надо признать, что даже среди гуманитариев диахронический дрейф смыслов не вполне осознаваемое и принимаемое во внимание явление.

Ещё более специфической и малодоступной сферой представляется грамматические основания для многозначности. В понимании историка или философа и вообще любого нефилолога, при всем уважении к их профессиональным достоинствам, язык опосредует смысл почти исключительно на уровне лексики. *Идеальный же филолог* хорошо знает, что смысл передается не только на уровне лексики, но и на других уровнях языка, что в первую очередь касается грамматики, ведь грамматическая форма слова повсеместно является одним из элементов, от которых зависит изменение или сохранение значения, или грамматическая полисемия [Мейе, 1906].

Надо признать, что теоретические аспекты грамматической и лексико-грамматической полисемии разработаны значительно меньше по сравнению с полисемией лексической. Между тем лексико-грамматическая полисемия «представляется системообразующим фактором в языке и высшим уровнем полисемии слова, поскольку проявляется и на лексическом, и на грамматическом уровнях» [Стернина, 1999]. Явление лексико-грамматической полисемии характерно для лексем, входящих в ядро лексической системы и выражающих идиозэтническую или идеосоциальную специфику того или иного языка, их регистров.¹¹

Примеры, в которых главной движущей силой изменения является грамматическая форма, относятся к достаточно редкому типу, так как грамматические категории, соответствующие какой-либо особенной реальности, малочисленны, а следовательно, и условия реализации этих процессов встречаются не очень часто [Мейе, 1906]. Языковые единицы, имеющие отношения к промежуточной области лексики и грамматики и в силу этого способные к совмещению различных функций и значений, вызывают непреложный исследовательский интерес. Возможность их употребления в качестве полнозначных, полуслужебных и служебных слов, а также исключительная функциональная подвижность в синтаксическом плане чрезвычайно расширяют диапазон значений данных слов, делая их поистине универсальными.

В изучении исторической полисемии особый интерес представляют так называемые «широкозначные глаголы», определяемые исследователями как *основные, фундаментальные* [Друзина, 2006]. В первую очередь это касается глагола *быть*, многозначность которого может быть обусловлена не только лексически, но и грамматически.

Функциональное разнообразие служит основанием богатства лексической многозначности глагола *быть* (ср. с англ. *be*), в сферу которого входят одушевленные субъекты (*быть человеком*), неодушевленные предметы (*быть деревом*), качества (*быть добрым*), а также действия, например, уже осуществленные быть (*быть созданным*) или осуществляемые – жить (*быть или не быть – вот вопрос*), иметься (*у попа была собака*), присутствовать (*я был на*

работе), находиться (*в доме был камин*), иметься на ком-либо (*я была в платье*), употребляться в качестве глагола связки (*он будет самым красивым*), в форме будущего времени (*водку будешь?*) и т.п. [Апресян, 2015]

Усложняет исследование контекстуальности и обусловленной ей многозначности глагола **быть (быти)** такое явление как *билингвизм*, а, точнее, *диглоссия*, когда, как в восточнославянской традиции, народный язык сочетается с сословным церковнославянским, основанным на близкородственной южнославянской лексике. В условиях диглоссии прояснение полисемии зависит от социолингвистического контекста, обусловленного наличием не только профессионального субъязыка, но и его различных регистров. Ключевым моментом в разрешении многозначности повсеместно является переход слова из специального языка в язык общий, или же обратный процесс, или оба сразу. Надо признать, что эти явления представляются практически недоступными для понимания представителями других областей знания как естественнонаучных, так и гуманитарных. Сложность здесь обусловлена тем, что этот фундаментальный глагол в синхроническом аспекте имеет разные формы инфинитива – в русском (**быть**) и церковнославянском (**быти**), тогда как в некоторых временных формах полностью совпадают, и чтобы разобраться в этих контекстуальных нюансах, нужен специальный навык.

В исследовании изменяющихся во времени и обстоятельствах значений фундаментального глагола **быть (быти)**, (в истории развития русского языка в целом, грамматики и лексики в частности), обнаруживается, что временная парадигма этого глагола содержит грамматические формы, способные выражать различные *модусы бытия* и, соответственно, различные релевантные этому модусу субъекты: *то, что существует вечно, не рождено и не создано; то, что существует всегда (сотворено, но не подвержено гибели), и, наконец, то, что существует временно (возникает, живет и погибает)*.¹² Согласно характеру традиционной образованности, сложившейся под влиянием греческой грамматической традиции, средневековые восточнославянские грамматисты дифференцировали формы **бъаше, быстьибыльеси** семантически: первой форме приписывается состояние без начала и конца, второй – инхотативное значение, а третьей – значение завершившегося в прошлом состояния [Живов, 2017].

Если форма **быльеси** касалась завершившегося во времени процесса, субъектом которого мог быть любой физический объект, то форма **бъаше** способна выражать метафизический модус бытия *Субъекта вечно* (*безначального и бесконечного* или *вневременного*).¹³ Такое требование к грамматике выдвигал богословский и философский контекст и таким образом формировал парадигму. Разумеется, грамматика языка, оперирующего метафизическими понятиями, нуждается в исчерпывающе выразительных формах, способных определять смыслы, не прибегая к перифразу. Поэтому в церковнославянском языке как литургическом и сословном грамматика была сформирована необходимым для выражения сакральных смыслов образом.

Анализ исторического изменения значения глагола **быти (быть)** в условиях русско-церковнославянской диглоссии выявляет семантический дрейф не только в диахроническом, но и в синхроническом отношении, обусловленном социолингвистически.¹⁴ Временная парадигма глагола **быти (быть)** давала (дает) возможность грамматическими средствами выражать деяния метафизического *Вечносущего*.

Как видно, в условиях диглоссии способность глагола **быти (быть)** выражать *вечное* и *временное*, имеющие онтологические значения, основополагающие в философских и богословских дискурсах, зависит от контекста, причем не только от лингвистического. Проблемы семантики глагола **быть**, в силу его фундаментальности, актуальны не только в филологии, но и в философии, где касаются самых онтологических основ, диалектической связи физики и метафизики, *сущности бытия*. С одной стороны, в исследовании философской истории понятия *бытия* и его модусов (как *существование* не только в пространстве и времени, но и вне времени и пространства) выявляются *метафизические суппозиции*, представляющие интерес с точки зрения грамматической полисемии. С другой стороны, в истории языкознания

известна способность глагола *быти (быть)* выражать различные *модусы бытия* в зависимости от языка, среды его употребления и языкового регистра [см. Живов, *Регистры письменного языка и социальная стратификация*, 2017: 888-898].

Научное построение грамматической системы языка не представляется адекватным без участия философии и прямо с ней связано. Это, прежде всего, касается временных категорий, поскольку время является одним из основных объектов философского внимания. Для создания церковнославянского языка были заимствованы грамматические идеи из классической школы; это относится к системам времен и чисел, имеющим специфическое богословское и философское, метафизическое содержание [Лазарев, 2014]. Так, временная парадигма глагола *быти (быть)* позволяла выражать безначальное и бесконечное (или вневременное) вечное бытие [Живов, Успенский, 1986]:

Аорист	Имперфективный аорист	Имперфект	Перфект		Начало состояния	Конец состояния	Длительность состояния
<i>быхъ</i>	<i>бѣхъ</i>	<i>бѣахъ (бѣахъ)</i>	<i>быхъ есмь</i>	<i>бысть</i>	+/-	-	-
<i>бысть</i>	<i>бѣ</i>	<i>бѣаше (бѣаше)</i>	<i>быхъ еси</i>	<i>бѣ</i>	-	-	-
<i>бысть</i>	<i>бѣ</i>	<i>бѣаше (бѣаше)</i>	<i>быхъ естъ</i>	<i>бѣаше</i>	-	-	+
				<i>быхъ еси (быхъ естъ)</i>	-	+	+/-

Грамматика *ученого церковнославянского* [см. Живов, *Церковнославянский как учёный язык*, 2017: 874-887], представляющая собой особый регистр литургического языка и вполне осознаваемая только редкими грамматистами, знакомыми с аутентичной классической школой, подразумевает наличие особенной временной формы, предназначенной для описания деяний метафизических субъектов и релевантной идеи о вечном безначальном и бесконечном или вообще вневременном Творце. Ценность этой формы состоит в том, что она позволяет сохранять в грамматике *высокую философию*, дающую рациональное обоснование абстрактному бытию, т.е. «образует каркас всего процесса семантизации действительности, продуктом которой выступают ценностно-смысловые отношения. Посредством таких грамматических форм получают выражение глубинные механизмы познания, сложившиеся в той или иной культуре» [Катермина, 2014]. В результате, грамматическая категория имеет возможность воплощать метафизику в грамматике: **«Искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово»**.

Любопытно, что объяснение именно этой обусловленности сакрального смысла грамматической формой со временем практически исчезло. Можно сказать, исторический контекст повлиял на изменение богословского и философского смысла грамматической формы. Вообще, метафизическая часть грамматики литургического языка была и остается слабо разработанной в связи с противоречиями между ортодоксальной христианской традицией и классической философской, при том что в Московской Руси философия вообще принималась за еретическое учение.

Грамматика же современного русского языка, настроенная на описание материалистической картины мира, содержит только формы, выражающие временные состояния *тленного* модуса бытия: ***был, есть, будет***, и потому не способна создавать метафизический контекст.

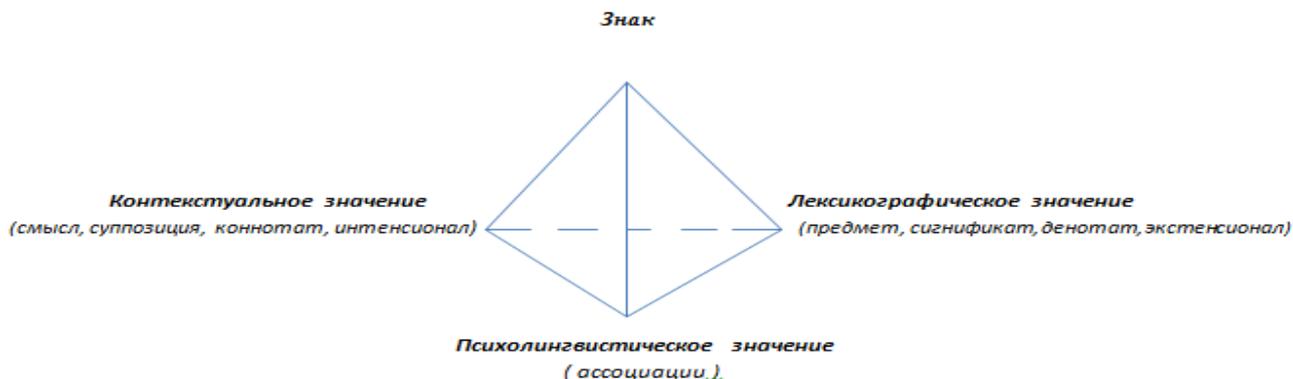
Как видим, изучение истории понятий расширяет полисемический диапазон, к тому же ещё и в связи с тем, что принимает во внимание использование слов в различных языковых и внеязыковых синхронических и диахронических ситуациях, на разных этапах развития философской и филологической мысли, оказывающих своё специфическое влияние на представления той или иной школы об отношениях между знаком, предметом и смыслом.

В последние десятилетия изучение отношений между знаком и смыслом, явной и неявной логикой значительно продвинулось за счет активных психолингвистических изысканий, существенно расширивших филологическую понятийную базу. Современные семасиологи соотносят ***постоянное смысловое значение*** слова ***ссистемным***, объединяющим ***лексикографическое*** и ***психолингвистическое***¹⁵, при добавлении к которому ***контекстуального***, образуется ***коммуникативное значение*** [Стернин, Рудакова, 2011].¹⁶

Треугольник Фреге

Пирамида Хованского-Стернина

Контекст проявляется в логике, тогда как ассоциации обнаруживаются вне очевидной логической связи, в ходе свободных и направленных ассоциативных экспериментов. Ассоциативные значения выходят за рамки логики только на первый поверхностный взгляд, но при систематизации логика устанавливается, что позволяет внести определенные коррективы в описание семантики слова при его лексикографическом обобщении. Однако вопросы зависимости психолингвистических значений от контекста выходят за исследовательские рамки этой статьи, хотя и касаются филологического релятивизма.

Выяснением зависимости содержания понятий от контекста заняты представители различных научных направлений. Многие профессиональные объединения вносят свой вклад в *общий язык*. Цель этой статьи разметить междисциплинарное понятийное пространство, объединяющее схожие термины различных «самодостаточных» научных дисциплин. Понятие филологический релятивизм призвано для описания семантического пространства на пересечении философии и филологии между собой и другими научными дисциплинами и служит для привлечения внимания к этой области гуманитарного знания.

В рамках этой статьи филологический релятивизм обозначает общий интерес представителей различных наук к такому явлению как *релевантность (относительность)* контекста и многозначности.

В сознании непрофессионального носителя языка лексическая и грамматическая полисемия и омонимия, метонимия и метафора, референтное значение и суппозиция, лексема и сема, практически не дифференцируются и не идентифицируются, и относятся к системному значению термина *гуманитарное знание*. Впрочем, и между профильными специалистами возникает немало разногласий по поводу содержания некоторых понятий. Например, и для языковедов разграничение омонимии и полисемии в некоторых случаях весьма затруднительно и остается предметом ученых дискуссий.¹⁷ Одно очевидно, что оба эти явления способны вызывать ошибки в рассуждениях, поэтому имеют примерно одинаковую важность в контексте филологического релятивизма.

Можно сказать, что контекстуальность, которая ближе к филологии, и релятивизм, который ближе к философии и физике, суть схожие понятия и входят в системные значения друг друга. Понятийная база филологического релятивизма складывается из концептов, общих для философии и филологии, логики и семантики. Если теория суппозиций – это философская

концепция, а семантика относится к языкознанию, то филологический релятивизм – это обобщающая межпредметная дефиниция, сигнифицирующая грани их пересечения. Следовательно, знаковое поле филологического релятивизма зиждется на гранях философского и филологического понятийных фракталов, образуя фило(лого)софский космос¹⁸.

Безразличие к учению о суппозиции, как и непонимание различных оснований полисемии – лексических, грамматических, исторических, психолингвистических и т.п. – приводит к множественным бессмысленным дискуссиям, поэтому обозначение проблемной зоны представляется делом важным. Как и физический релятивизм, филологический имеет амбивалентный характер: с одной стороны, открывает новые возможности для манипуляций, с другой – дает не только защиту от них, но и технологию сохранения энергии, часто расходуемой на пустые споры.

Филологический релятивизм – это новый термин для многообразия, вызванного необходимостью – научить не только специалистов, но и обывателей выявлять фальшь в рассуждениях. Это тот самый случай, которого бритва У. Оккама касается, но не отсекает.

Примечания

¹В языковедческой литературе такой дрейф ещё называют *семантическим сдвигом*.

²Другими словами, контекстуальность определяет актуальное значение слова, или актуальность определяется контекстуальностью, в том числе и экстралингвистической. Разумеется, нужно принимать во внимание и зависимость от контекста самого понятия «актуальность»: актуальность вообще или актуальность смыслового значения. И.А. Стернин под актуальным значением слова предлагает понимать «совокупность актуализированных в акте речи сем, то есть актуализацию значения определенного набора сем в конкретном контексте в совокупности с семантическими компонентами, наводимыми контекстом и коммуникативной ситуацией» [Стернин, 1985].

³Софисты вообще увлекались формальными определениями, при этом, говоря современным языком, смешивая контексты. Использовались не строго логические доводы, но и лингвистические нюансы: синонимы, омонимы, амфиболию, синтаксическую инверсию и др.

⁴Проблема многозначных слов – полисемов и омонимов, а также метонимов, затрагивалась прежде всего в споре о природе имен в качестве аргумента, доказывающего их произвольность.

⁵В значении слова выделяются мегакомпоненты – лексический и грамматический, макрокомпоненты – денотативный, коннотативный, функциональный выделяют и другие типы компонентов – эмпирический или образный, селективный [Стернин, Рудакова, 2011: 5].

⁶Аристотель говорил о полисемии, но не как филолог, поскольку филологии как научной дисциплины тогда не существовало. Поэтому *πολυσημεία* Аристотеля – это философское понятие, а *polysémie* Бреала – филологическое. По существу, семантика – это и есть развитие философского учения о многозначности в филологическом контексте.

⁷У Покока в качестве контекста выступает прежде всего язык. Интенции автора, его способ использования языка оказываются подчиненными лингвистическим и идейным парадигмам, которые исследуемый автор находит в своем времени. У Скиннера же как контекст выступают споры и дискуссии, в которых находится автор высказывания. Он критикует Покока и указывает, что, обращая внимание исключительно на анонимные аспекты языка, мы можем упустить индивидуальные намерения, иронию, иносказания и т. д., т. е. упустить существенные аспекты авторского высказывания. Слова, например, могут обладать смыслом, зависящим от намерений автора. Под «контекстом» они понимают в первую очередь полемическую языковую ситуацию. Речь идет не о естественных языках, но о языках политических, о совокупности идиоматических матриц, принятых в политической философии и составляющих фон, по отношению к которому проявляет себя автор [Доманов, 2019].

⁸Отдельный исследовательский интерес и авторские симпатии вызывает контекстуальность иронии, способной выходить за рамки собственно логико-философских построений и обусловленной ситуативно. Ирония, в зависимости от ситуации, стиля общения и целей коммуникантов, использует многозначность/полисемию для выражения истинного смысла вместо явного, нарушая в парадоксе законы формальной логики. Контекстуальная обусловленность и средства реализации иронии служат предметом специального изучения [Походня, 1989].

Как категория дискурса ирония реализуется только на фоне контекста. Исследователи выделяют три типа контекста: микроконтекст (предложение), макроконтекст (диктема), мегаконтекст, содержащий экстралингвистическую информацию социального, географического и исторического характера, включающий культурные реалии [Горностаева, 2013].

⁹За столетие до теоретических разработок представителей кембриджской школы об историческом изменении значений ключевых для философии понятий рассуждал Кареев Н.И. на страницах «Филологических записок» А.А. Хованского. В «Мифологических этюдах» академик рассматривал историю осмысления метафизической идеи о *вечном бытии*, начиная с самого рассвета человеческой мысли на заре цивилизации до вершин её философского взлёта. В духе предметно-смыслового дуализма, проявившегося в дуализме мифологическом

(анимистическом), религиозном и философском и, наконец, собственно, в филологическом (когда слово становится *Вещью*), Кареев описывает семантическую эволюцию понятия **сверхъестественное (метафизическое, супранатуральное)**: «Уже в то время, когда дикарь рядом с материальным миром признает мир духов, он все еще не имеет богов в настоящем смысле этого слова: солнце – *гелиос* здесь не что иное, как то самое солнце, которое мы видим над собою днем и которое на ночь уходит под землю; оно – материальное существо, движениями которого управляет живущая в нем душа; оно принадлежит к тому же материальному миру, в котором живет человек; только с течением времени слово с забытым значением порождает божественный миф, и вот мы имеем *Гелиоса*, уже не самое солнце, а как личность, как божество, как существо более тонкое, стоящее выше человека, эфирное, подобное душе человека, поставленное за пределы чувственного мира, в сферу сверхъестественного» [Кареев, 1873].

Академик рассматривает историю отношений между знаком, предметом и смыслом на примере представлений о душе, вначале как *тонкотелом атрибуте* предметов, который, с развитием представлений об особом духовном мире, отделяется от предмета и переходит к абсолютной, вне всякого «атомарного факта» (Витгенштейн), бестелесности, ставшей основанием как для монотеистических религий, так и для философского дуализма. Вместе с отделением духовного мира, мира абсолютно абстрактных явлений, от предметного Кареев выделил несколько этапов в развитии понятия **сверхъестественное**, в соответствии с текущим уровнем мифо-религиозно-философских представлений о душе: а) как нечто тонкотелесное, подобное свечению ауры; б) как самостоятельный субъект особого духовного мира, но всё же тонкотелесный; в) как абсолютно бестелесный вечный Дух [Кареев, 1873].

¹⁰Вопрос о проведении аналогии между терминами схоластической теории суппозиций, определяющей систему отношений знака, его суппозиции и сигнификации в ряду логико-семантической теории, использующих понятия экстенционала и интенционала (Р. Карнап), денотата и коннотата (Д. Миль), смысла и значения (Г. Фреге), иными словами, вопрос об установлении соответствия между средневековой системой понятий «знак-сигнификация-суппозиция» и современными «знак-смысл-значение», остается по сей день открытым [Журавлева, 2011: 183].

¹¹Здесь необходимо отметить, несмотря на то что действия общества в целом направлены на создание единообразного языка, действия отдельных сообществ, наоборот, направлены на его дифференциацию, в независимости от того, явно это происходит или имманентно. Каждая наука, каждое искусство, каждая профессия, создавая свою терминологию, оставляет свой след в словах общего языка. Каждая группа людей по-своему использует общие ресурсы языка. Таким образом, значения слов уточняются не только в профессиональных группах; любая совокупность индивидов, связанная в пределах общества какими-либо особыми отношениями, обладает в силу этого особыми понятиями [desnotionsspéciales] и подчиняется правилам, характерным для той малой группы, которую она составляет, временно или на постоянной основе; значение же слова определяется совокупностью понятий. Эти две противоположные тенденции прямо следуют как из характера общего языка, так и из особой роли специальных языков. Языки отдельных групп становятся таким образом «арго», и сами эти арго становятся иногда искусственными [Мейе, 1906]. Именно из-за разнородного социального состава говорящих на одном языке и происходит большая часть изменений значения. Это касается не только узкоспециального терминологического разнообразия, но и полисемии, не только лексической, но и грамматической.

¹²В этом контексте вызывает интерес семантика корней **бы** и **ста**, обозначающих **бытие** и **становление**.

¹³Лучшим образом определять **вечное** можно в контексте понятия **супранатуральное**, т.е. абсолютно бестелесное, а потому и неподверженное тлению, в отличие от всего временного и телесного, т.е. тленного.

¹⁴Проиллюстрировать социолингвистический контекст, расширяющий диапазон многозначности глагола *быть*, можно на фоне исторической ретроспективы. Появление первых грамматических штудий в восточнославянском ареале относится к рубежу XVI-XVII вв. Большинство книжников того времени не только не владели грамматической премудростью, но, видимо, вообще не были знакомы с грамматическими трактатами. Тогда сама возможность грамматической образованности играла роль социального дифференциатора, разделяющего грамматическую элиту, владеющую высшим научным регистром церковнославянского языка, и всю остальную читающую и пишущую братию: «Эта дифференциация создавала возможность обращать тексты к разному адресату: одни могли быть предназначены для ученых, а другие – для простецов» [Живов, 2017].

Известная «языковая полемика» о способности грамматической формы определять смыслы и таким образом формировать новый контекст, а также о её номинации, реализовалась в полемике (πολεμική – «война») социальной и привела к трагическим результатам: и к церковному расколу, и к многочисленным жертвам. Различие в понимании содержания грамматических форм и их философских коннотаций обернулось социальной драмой. Не вполне ясное понимание контекста определило судьбу и Максима Грека, призванного в Московскую Русь, где философия вообще считалась ересью, ради церковной sprawy. По мнению его судей, грамматическая форма, выбранная греческим справщиком, радикально меняла интенцию, обращенную к Предвечному Богу, а не к некому временному и смертному субъекту. Примечательно, что свой выбор М. Грек оправдывал контекстом «из рода в род», наполняющим форму правильным смыслом. Однако не был понят, видимо, потому что понятие контекстуализм не входило в оперативную терминологическую базу средневековых богословов [Вернер, 2013].

На протяжении XVIII века были предприняты неоднократные попытки составить учебники по грамматике «русского языка», авторы которых не вполне отдавали себе отчет, грамматику какого языка создают и какой язык имеют в виду в условиях диглоссии[Успенский, 1997].

¹⁵«Под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании»[Цит. по Стернин, Рудакова, 2011: 100]

¹⁶ Построение *Пирамиды Хованского-Стернина* представляет собой развитие региональной педагогической школы, начавшейся в Воронеже редакторскими и авторскими трудами А.А. Хованского и развиваемой в современной университетской школе И.А. Стерниным, А.А. Кретоым и др. в области когнитивной, теоретической и прикладной лингвистики.

¹⁷Полисемию (омонимию, метонимию и т.п.) определяет контекст, структуру которого формирует синтаксис и в конечном итоге грамматика. Ведь чтобы выяснить смысл знака, необходимо построить предложение, потому что бессвязный набор слов не способен создавать смыслы. В свою очередь, смысл в зависимости от контекста выстраивает дискурс; таким образом смысл и контекст образуют единое диалектическое пространство. Зависимость смысла от контекста, не говоря уже о психолингвистике, настолько велика, что можно сказать – смысл определяется контекстом даже в большей мере, чем знаком.

¹⁸Здесь надо заметить, что понятию *космос*, как и другим тому подобным, присущ семантический дрейф, и в настоящее время оно главным образом ассоциируется с вполне материальным космическим пространством – Солнечной системой, галактиками и Вселенной, но на заре философской мысли означало идеальное гармонично и эстетически упорядоченное пространство, противостоящее хаосу и предназначенное для его преобразования.

Список литературы

1. *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа. «Contextisking»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ, 2015. – №134 –С. 21-44.
2. *Апресян Ю.Д.* Многозначность глагола *быть* / Лексико-семантическая парадигматика // Исследования по семантике и лексикографии. М., 2009 – Т. I. – С. 441-461.
3. *Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении: Пер. с англ. // История понятий, история дискурса, история менталитета : Сб. ст. : Пер. с нем. / Под ред. Ханса Эрика Бёдекера. – М.: НЛЮ, 2010. – С. 112-152.
4. *Вернер И.В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. / Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики XV Международный съезд славистов.– М., 2013. – С. 104-127.
5. *Горностаева А.* Ирония как компонент английского стиля коммуникации : моногр. – М., 2013. – 238 с.
6. *Доманов О.А.* Понятие контекста в контекстуализме Марка Бивира // Сибирский философский журнал. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 99-114
7. *Друзина Н.В.* Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты / Дис. доктора филол. наук. – Саратов, 2006. – 360 с.
8. *Живов В.М.* История языка русской письменности. – М., 2017. – Том II. – 480 с.
9. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Grammaticasubspeciethologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // RussianLinguistics, 1986. – V. 10. – № 3. – С. 372.
10. *Журавлева Е.В.* Сравнительный анализ логико-семантических концепций У.Оккама и Г.Фреге // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 183-193.
11. *Иванов Вяч.И.* Наш язык // Из глубины. – М., 1990. – С. 146.
12. *Катермина В.В.* Язык как способ осмысления мира // Сопоставительная и славянская филология: история, состояние, перспективы. – Воронеж, 2014. – С. 32-38.
13. *Кареев Н.И.* Мифологические этюды // Филологические записки, 1873. – Вып.1-6.
14. *Лазарев А.И.* Grammaticasubspeciephilosophia: вечность в философии и грамматике // Славянский вестник: история и перспективы. Материалы международной научно-

-
- практической конференции, посвященной 150-летию сборника «Славянский вестник». – Воронеж: Кварта, 2016. – С. 171-172.
15. *Леицёва М.В.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. – М., 2014. – 256 с.
 16. *Лисанюк Е.Н.* Суппозиции в средневековых трактатах о предписаниях // Логико-философские штудии. – СПб., 2009. – С 59-69.
 17. *Лисанюк Е.Н.* Теория суппозиции в средние века // *Verbum*, 2000. – № 3. – С.15
 18. *Мейе А.* Как слова меняют значение (1906) / Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. – М.: НЛЮ, 2019. – С. 39-89.
 19. *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей под ред. Х.Э.Бёдекера / Пер. с нем. – М.: НЛЮ, 2010. – С.21-33.
 20. *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев, 1989. – 126 с.
 21. *Рудакова А.В., Стернин И.А.* О понятии коммуникативного значения слова. – Воронеж, 2017. – С. 62-69.
 22. *Рыскельдиева Л.Т.* О грамматике и метафизике смысла // Вопросы философии, 2018. – № 7. – с. 70-80.
 23. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы – М., 2018. – 391 с.
 24. *Соссюр де, Ф.* Курс общей лингвистики. – М., : Логос, 1998. – 235 с.
 25. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
 26. *Стернин И.А., Рудакова А.В.,* Психолингвистическое значение слова. – Воронеж, 2011. – 192 с.
 27. *Стернина М.А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: Опыт разработки интегральной теории полисемии // Дис. доктора филол. наук. – Воронеж, 1999. – 253 с.
 28. *Успенский Б.А.* Доломоновские грамматики русского языка / Общее и славянское языкознание // Избранные труды. – М., 1997. – Т. III. – 800 с.
 29. *Черноскутов Ю.Ю.* Принцип композициональности и принцип контекста у Г. Фреге // Логико-философские штудии. – СПб., 2006. – Вып. 4. – С. 193-211.